

Свидетели эпохи

ФЕДОР
ДАН

*Два года
скитаний*

Воспоминания лидера
российского меньшевизма

1919—1921

Федор Дан

**Два года скитаний. Воспоминания
лидера российского
меньшевизма. 1919-1921**

«Центрполиграф»

Дан Ф. И.

Два года скитаний. Воспоминания лидера российского меньшевизма. 1919-1921 / Ф. И. Дан — «Центрполиграф»,

Видный деятель меньшевизма Ф.И.Дан (Гурвич, 1871–1947) посвятил свою жизнь борьбе сначала с царским, а затем с большевистским режимами. Будучи одним из руководителей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», он решительно не принимал стратегии и тактики большевиков и выступал за отделение большевизма от рабочего движения. За резкую критику советской власти в 1920 году Дан был арестован и через год выслан за границу. Книга Дана посвящена последним годам его пребывания в России, его арестам и тюремному заключению. В ней описываются не только идеологические разногласия с большевиками, но и тюремные мытарства неправых узников в ожидании расстрела и повадки их революционных палачей. Книга впервые издается на родине автора.

Содержание

От издательства	5
Глава I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Федор Дан

Два года скитаний

Воспоминания лидера

российского меньшевизма

1919–1921

От издательства

Книга «Два года скитаний» известного политического деятеля начала XX века Ф.И. Дана никогда не издавалась на родине автора. Этот свидетельский документ заслуживает внимания особенно в силу того, что являет собой воспоминания не просто очевидца революционных событий, но человека, посвятившего жизнь революции и не принявшего власти большевиков. Поскольку написаны воспоминания буквально по горячим следам, а не спустя десятилетия, изложенные в них события и переданные впечатления представляются особенно интересными и многозначительными.

Федор Ильич Дан (наст, фамилия Гурвич, 1871–1947) – видный деятель меньшевизма, всю свою жизнь посвятивший политической борьбе, вначале с царским, а после Октября – с большевистским режимом. Будучи убежденным марксистом, Дан считал российскую буржуазию достаточно революционной, чтобы обеспечить развитие страны, в том числе социальное, необходимое ей на конкретном историческом этапе, то есть в начале XX века; он был категорическим противником революционных крайностей, способных дестабилизировать положение в стране.

Федор Ильич родился в Петербурге. По окончании гимназии сын состоятельного владельца аптеки записался на медицинский факультет Юрьевского (Дерптского) университета, где и получил диплом врача. Еще в студенческие годы увлекся революционной борьбой, в 1895 году вступил в Союз борьбы за освобождение рабочего класса, а уже в 1896-м стал одним из руководителей петербургской организации Союза. Затем последовал арест, полтора года в Петропавловской крепости и ссылка в Вятскую губернию, где Дан работал статистиком, опубликовав исследование «О положении крестьян в Вятской губернии». В это же время стал известен как публицист, сотрудничал с журналом «Русская мысль», основателем и редактором которого на протяжении более двадцати лет был известный своими демократическими взглядами журналист Вукол Михайлович Лавров (1852–1912).

В 1901 году Дан выехал в Берлин, где занимался пересылкой в Россию газеты «Искра». К этому времени относится начало его личной дружбы с Лениным и близким ему в то время Юлием Осиповичем Мартовым (наст, фамилия Цедербаум, 1873–1923).

В 1903 году в Брюсселе и Лондоне состоялся II съезд РСДРП, на котором были приняты так называемые программа-максимум и программа-минимум и на котором партия раскололась на два крыла. Те, кто при выборах в ЦК и в редакцию газеты «Искра» оказались в меньшинстве и кого стали называть меньшевиками (и в их числе Дан), не были готовы безоговорочно принять ленинское положение о диктатуре пролетариата. Не менее острыми были дискуссии о революционности крестьянства и об условиях членства в партии. Если, по замечанию Н.А. Бердяева, «русские революционеры и в прошлом всегда были тотальны» и «революция была для них религией и философией, а не только борьбой», то в лице большевизма возникло течение, соответствующее «этому революционному типу и этому тоталитарному инстинкту», вос-

принявшее, в отличие от меньшевизма и западноевропейской социал-демократии, «прежде всего не... эволюционную, научную сторону марксизма, а его мифотворческую религиозную сторону... выдвигающую на первый план революционную борьбу пролетариата, руководимую организованным меньшинством...».

Меньшевики, настаивавшие на необходимости постоянных компромиссов, высказывавшие собственное мнение по всем пунктам предложенной программы, считавшие РСДРП «организацией мелкобуржуазной интеллигенции» и настаивавшие на созыве «рабочего съезда», мешали Ленину и его единомышленникам. Раскол оказался неизбежен, но он еще не был окончательным и бесповоротным.

После политической амнистии, объявленной царским Манифестом от 17 октября 1905 года, Дан приехал в Петербург и уже в декабре был кооптирован в члены ЦК РСДРП. В 1906–1907 годах он входил в редакции всех меньшевистских и общепартийных газет и журналов. Дан считал необходимым и плодотворным сотрудничество с властью в рамках выборного представительного органа – Государственной думы, которую большевики на первых порах по призыву Ленина бойкотировали, и стал одним из руководителей социал-демократических фракций в Госдуме первого и второго созывов.

Как известно, 3 июня 1907 года был опубликован высочайший манифест о роспуске 2-й Государственной думы и изменении порядка выборов в Госдуму, что означало ужесточение внутривластного курса правительства. В январе 1908-го Дан эмигрировал. Будучи идейным противником большевистских методов борьбы, уже в 1912 году он пытался содействовать объединению антибольшевистских групп РСДРП. Когда в 1913-м в связи с 300-летием дома Романовых была объявлена амнистия, Дан возвратился в Петербург и возглавил меньшевистскую фракцию 4-й Государственной думы. В начале Первой мировой войны вновь последовали арест и ссылка в Сибирь, но в мае 1916-го он был мобилизован как врач и служил в Иркутске.

Вернувшись в конце марта 1917 года в Петроград, Дан поддерживал Временное правительство и выступал за вхождение в него социалистов.

Одним из самых ярких эпизодов его небедной на события жизни была попытка в канун революции, вечером 24 октября 1917 года, вместе с эсерами Н.Д. Авксентьевым, бывшим министром внутренних дел, и А.Р. Гоним, по поручению Временного совета Российской республики (так называемого Предпарламента), договориться с Временным правительством о том, чтобы, перехватив инициативу у большевиков, сделать заявление, в котором вопросы о мире, земле и демократизации армии «должны быть поставлены так, чтобы ни у одного рабочего и солдата не было сомнения, что правительство идет по этому пути твердыми шагами». При этом Дан называл агитацию большевиков «преступной», но заявлял: «Желая самым решительным образом бороться с большевизмом, мы не желаем быть орудием в руках той контрреволюции, которая на подавлении этого восстания хочет сыграть свою игру» («Новая жизнь», «Речь», 25 октября 1917 года).

На следующий день, 25 октября, Дан открыл II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, но после того, как была предложена для голосования резолюция о переходе власти к Советам, в знак протеста покинул зал. Вскоре за ним последовал и Мартов, выступивший за мирное разрешение кризиса, вызванного вооруженным восстанием, и организацию «однородной демократической власти» путем переговоров с «другими социалистическими партиями и организациями». Предложение Мартова поддержали многие присутствовавшие, но после ухода Дана и его сторонников инициативу перехватил Троцкий, призвавший осудить ушедших и приветствовать победоносное восстание, тем самым утвердив захват власти большевиками.

Октябрьскую революцию Дан категорически не принимал и сделал все возможное, чтобы избежать ее катастрофических последствий. Так, 5 ноября 1917 года он писал в «Рабочей газете»: «Три положения определяют линию нашего поведения. Первое – развязывание граж-

данской войны и – путь контрреволюции; второе – для предотвращения гражданской войны необходима капитуляция большевизма; третье – наша задача отделить большевизм от рабочего движения... Первые дни заговора была надежда, что он может быть ликвидирован военной силой, но попытка подавления оказалась неудачной, нападение на Петроград сделало защиту Петрограда делом пролетариата, социалистическая партия не может принять участие в подавлении рабочего класса, поэтому мы встали на точку соглашения, которого требуют широкие рабочие массы. Смысл соглашения – заставить большевиков отказаться от идеи власти Советов и признать равноправие всей демократии. Соглашение невозможно без раскола большевизма. Оно создаст концентрацию всех демократических сил вокруг пролетариата, а не без пролетариата. Отказ от соглашения отталкивает от большевиков огромные массы рабочих, и их восстание становится чисто солдатским. Таков результат нашей тактики».

Как оказалось, большевиков не испугал «откол» «огромных масс рабочих», ибо вопрос выбора между властью и демократией никогда перед ними не стоял. Вскоре центральный орган меньшевиков «Рабочая газета» был закрыт, а Дан продолжал писать, на этот раз в газете «Вперед»: «Рабочие не только вынуждены будут дорогой ценой расплачиваться за большевистскую политику анархии, но... когда ужасные последствия этой политики станут очевидными, само имя социализма, которым злоупотребляют большевики, станет ненавистно миллионам трудящихся» (21 ноября 1917 года). Примерно о том же говорил в это же самое время Мартов: «Мы идем через анархию, несомненно, к какому-нибудь цезаризму».

Несмотря на постоянные расхождения во взглядах, Дан примирился с Мартовым и на Чрезвычайном съезде РСДРП(о) возглавил вместе с ним партию, провозгласив новый курс, курс сотрудничества с большевиками. Однако вскоре оказалось, что такое сотрудничество во многих важнейших вопросах для него невозможно. Так, он категорически не принял сепаратного договора между Россией и Германией, так называемого Брестского мира, подписанного 3 марта 1918 года.

В июне 1918-го власти обвинили меньшевиков в связях с Колчаком и участии в организации восстаний; 14 июня ВЦИК принял постановление об исключении правых эсеров и меньшевиков из своего состава и из местных Советов. За резкую критику «красного террора» лидеры меньшевиков, в том числе Дан, подвергались арестам, некоторые находились фактически на полулегальном положении.

После «легализации» меньшевиков 30 ноября 1918 года Дан работал врачом в системе Наркомздрава, был депутатом Моссовета В 1919–1920 годах по мобилизации служил санитарным врачом в Красной армии, но в начале 1920-го был арестован по обвинению в подготовке Кронштадтского восстания и через год выслан за границу. Собственно, именно об этом периоде своей жизни Дан и рассказывает в своей книге.

Оказавшись за границей, Дан вначале поселился в Берлине и сотрудничал с основанным Мартовым в феврале 1921 года «Социалистическим вестником», после прихода к власти Гитлера переехал в Париж, а накануне оккупации Франции – в США.

И хотя уже в 1923 году Дан был лишен советского гражданства, его отношение к Советскому Союзу не было однозначно негативным, как у большинства его соратников по партии, выступавших за военное поражение «диктатуры Сталина» и, несмотря ни на что, желавших победы немецкому оружию. До конца жизни он верил в неизбежность демократизации советской политики, отстаивая эти взгляды в своей последней работе «Происхождение большевизма», вышедшей в Нью-Йорке в 1946 году.

Глава I

Служебная ссылка

В мае 1920 года Москву посетила делегация английских рабочих. В состав делегации входили все оттенки английского рабочего движения. Был там Роберт Вильямс, тогда еще не объявленный «предателем», а считавшийся правоверным коммунистом, чествуемый особыми плакатами и державшийся в стороне от других членов делегации; был Уолхэд, председатель Британской независимой рабочей партии; были члены Labour Party*,¹ фабианцы, чистые профессионалисты, социалистические литераторы – миссис Сноуден, Том Шоу, Скиннер, Бэкстон и др.; был даже христианский коммунист – Рэссель. Особо приехали два рабочих-синдикалиста в качестве делегатов от фабрично-заводских комитетов.

Как водится в Москве, большевики начали с того, что попытались окружить дорогих гостей непроницаемой стеной. Их поместили в гостинице «Деловой двор», сохранившаяся роскошь которой странно контрастировала с невероятной убожеством жизни рядового московского обывателя в эту пору; к их услугам были предоставлены автомобили, переводчики, гиды, а заодно уже внизу, у входных дверей гостиницы, посажены чекисты, требовавшие пропуска у каждого желавшего вступить в общение с «представителями международного пролетариата», приехавшими в «мировую пролетарскую столицу»... Словом, по заведенному обычаю, большевики приняли все меры, чтобы с любезною улыбкою забрать гостей в свои руки, показать им лишь то и так, что и как полезно показать, заставить их слушать большевистскими ушами и смотреть большевистскими глазами, тщательно ограждая их от всякого «постороннего» влияния.

Эта операция – говоря вульгарно, втирания очков – часто удавалась большевикам с менее осмотрительными или очень уж благодушно настроенными заграничными гостями. И многие из этих знатных и даже далеко не знатных иностранцев уезжали из России с приятной уверенностью, что в общем все обстоит благополучно, что хозяйственная жизнь налаживается, культура и просвещение расцветают пышным цветом, рабочие большевиков обожают и голосуют за них при всяком случае единодушно («сами видели и слышали»!), и даже рассказы об ужасном материальном положении России, о голоде и холоде преувеличены до крайности. Кое-кто – увы, из песни слова не выкинешь! – увозил даже с собою вещественные доказательства благополучия России в виде дорогих шуб, самоваров и тому подобных приятных сувениров, полученных от большевиков. Нечего и говорить о тех довольно многочисленных иностранцах, которые составляют как бы постоянный придворный штат Исполкома 3-го Интернационала: для них отведен в самом центре Москвы, на Тверской, прекрасный отель «Люкс», и им не приходится жаловаться на суровость жизни в коммунистической Москве...

Англичане оказались, однако, людьми не такого склада, чтобы их можно было обмануть простецки-азиатскими приемами большевистских хозяев. Они приехали с намерением прежде всего установить факты, и установить их собственными руками и глазами, для чего заранее составили себе краткую программу вопросов, на которые им желательно получить ответы, и заранее решили войти в сношения не только с большевиками, но и с представителями других партий, чего они и начали добиваться, со свойственным англичанам упорством, с первого же дня приезда в Москву. Кроме того, один из приезжих, Бэкстон, взял еще в Лондоне у П.Б. Аксельрода мой адрес и тотчас же разыскал меня, а через меня завязал сношения и с Центральным комитетом нашей партии. И хотя большевики старались составить для делегации такое расписание времяпрепровождения, чтобы она не имела физической возможности общаться с

¹ Лейбористской партии (англ.). (Здесь и далее звездочкой* отмечены примечания редактора.)

кем-либо вне официально предусмотренного круга лиц, однако англичане сумели очень скоро отвоевать себе право ходить, куда им угодно, и пользоваться своими собственными гидами и переводчиками. Двух таких переводчиков поставили им мы, и благодаря этому и при официальных визитах английские гости узнавали много такого, что при других условиях осталось бы для них скрытым. Даже при посещении ими пресловутой ВЧК присутствовал наш переводчик, что в данном случае оказалось особенно полезно. Как курьез отмечу, что этому прорыву большевистской «блокады» весьма содействовал приставленный большевиками же к делегации беспартийный переводчик, профессионалист Яроцкий, не предвидевший еще, что в самом близком времени он сочтет за благо превратиться в бешеного коммуниста. Маленькая опшибка механизма!

Наш Центральный комитет, со своей стороны, заранее приготовил к приезду делегации кое-какие материалы. Часть этих материалов, впрочем, была изготовлена еще ранее – тогда, когда ожидался несостоявшийся приезд комиссии, выбранной Бернской конференцией (Каутский, Адлер, Лонгэ, Макдональд). Материал по общей и экономической политике большевиков был подобран чисто фактический, большей частью почерпнутый из большевистской же прессы, с кратким лишь освещением. Кроме того, была составлена записка с описанием положения нашей партии при большевистском режиме и изложением ее программной и тактической позиции. Тт. Мартов, Абрамович, Юдин и я посетили делегацию в ее отеле – по поручению Центральных комитетов нашей партии и Бунда. Сама делегация также два раза участвовала в заседании нашего Центрального комитета. Надо сказать при этом, что отдельные члены и группы делегации тщательно избегали всякого намека на какие бы то ни было закулисные или сепаратные разговоры с различными партиями и организациями и о всяком предстоящем свидании лояльно оповещались все члены делегации без исключения. Но все-таки Роберт Вильямс не пожелал ни разу повидаться ни с нашим Центральным комитетом, ни с отдельными членами его...

Большевики показали англичанам очень многое, вплоть до парадов Красной армии. Но одного они не хотели и не могли показать им: свободного рабочего митинга, и по очень простой причине: настроение московских рабочих в эту пору было отнюдь не таково, чтобы большевики могли похвастать им. Но то, чего не сделали большевики, сделали мы: правление Союза печатников, в большинстве своем состоявшее из членов нашей партии, воспользовавшись некоторой конфузливостью большевистского начальства перед иностранными гостями, созвало громадный рабочий митинг в Большом зале консерватории: по подсчету (билеты были нумерованы), собралось свыше 3 тысяч почти сплошь рабочей публики. Это и был единственный рабочий митинг, который удалось повидать англичанам, но – прибавлю, забегаю вперед, – это был и последний такой митинг в большевистской Москве.

На митинге выступали меньшевики – члены правления Союза печатников (Чистов, Камермахер) и большевики – Тихонов от Полиграфического отдела Высшего совета народного хозяйства и Мельничанский от Центрального совета профессиональных союзов. Речи ораторов тут же переводились англичанам. Но и без всякого перевода, по тому, как относилась аудитория к выступлениям меньшевиков и большевиков, иностранные гости могли безошибочно судить, какими малыми симпатиями пользуется большевистский режим в рабочей среде.

От имени нашего Центрального комитета говорил я. В своей речи я подчеркнул, что на гостей мы смотрим не как на судей между нами и большевиками, а как на товарищей по борьбе, с которыми хотим поделиться своим опытом, потому что и им придется столкнуться с теми же проблемами, что и нам, и, как и нам, выбирать между двумя методами борьбы за социализм: большевистским – террористической диктатуры меньшинства или социал-демократическим, марксистским – господства сознательного большинства. Рядом фактов я иллюстрировал результаты большевистского метода. Конец своей речи я посвятил протесту против интервенции и призыву английских рабочих к борьбе за снятие блокады России.

Митинг уже близился к концу, когда из боковой двери протиснулся на эстраду среднего роста человек с длинной, почти до пояса, бородой и направился к председателю, после чего председатель объявил, что слово дается представителю партии социалистов-революционеров. Только когда оратор начал говорить, я, к величайшему изумлению своему, узнал в нем Чернова, – так изменила его длинная борода! Со стороны Чернова появление на таком митинге было громадным риском, так как ЧК гналась за ним в это время по пятам. Речь Чернова была не очень удачна. Он сравнивал учение социализма с учением первобытных христиан, а большевиков – с выродившейся христианской церковью. Чересчур литературная и отвлеченная, речь мало захватывала рабочую аудиторию, реагировавшую на нее лишь жидкими аплодисментами.

Положение спасли большевики. С той минуты, как они узнали в ораторе Чернова, они не могли спокойно сидеть на месте. Сидевший рядом со мною Мельничанский ерзал на стуле, порываясь встать и бежать куда-то, так что я насмешливо крикнул ему: «Что, небось ЧК вызвать хочется?» На что он, уже не помня себя, злобно отвечал: «Да, конечно, непременно надо ЧК уведомить». За Мельничанским забеспокоились и другие большевики, и только наши пристальные взгляды и насмешки заставили их отказаться от намерения бежать к телефону и донести о случившемся пассаже в ЧК. Зато, лишь только оратор кончил, большевики начали кричать: «Как имя? Пусть назовет фамилию!» Чернов выступил и назвал себя. Результаты получились не те, каких желали большевики: их сыщическое усердие и крики «Арестовать его!» привели лишь к тому, что зал разразился бурной овацией по адресу травимого, заставившей большевиков растеряться и позволившей Чернову в общей суматохе скрыться так же незаметно, как он появился.

Весь митинг горькой обидой врезался в сердце большевиков. Урон, нанесенный им в глазах иностранной рабочей делегации этим обнаружением истинных настроений московского пролетариата, был только усугублен тем жалким демонстративным шествием с места митинга к зданию Московского Совета 100–150 человек, которое они устроили после собрания, не сообразив, что при таком количестве участников лучше было бы вовсе отказаться от задуманной манифестации. Но зато с этого дня карающая рука большевиков была занесена над инициаторами и активными участниками митинга, и они ждали лишь случая, чтобы расправиться с «преступниками». Против правления Союза печатников тотчас же была начата жестокая кампания, и вскоре оно было разогнано, на его место насильственно водворено красное правление, члены же старого отправлены в тюрьму. Скоро наступил и мой черед...

Я в это время служил. В июне 1919 года, по окончании трехмесячного пребывания в Бутырской тюрьме, я в качестве врача по образованию был мобилизован большевиками и откомандирован в Народный комиссариат здравоохранения, где и занял должность заведующего подотделом хирургии при отделе медицинского снабжения. Место это, иерархически очень скромное, по существу имело важное значение для постановки медицинской помощи в России: подотдел хирургии должен был заботиться о снабжении республики медицинским инструментарием и предметами по уходу за больными. Задача была нелегкая, так как запасы были сравнительно невелики, многого в России делать вообще было нельзя, а постановка производства и тех предметов, которые могли выделяться в России, встречала почти неодолимые затруднения, как в общей разрухе, так и в национализаторской политике большевиков, постоянном вмешательстве органов ЧК и, наконец, – из песни слова не выкинешь! – в скрытом саботаже различных главков, которые (кое-кто из тогдашних специалистов-руководителей этих главков впоследствии откровенно признался мне в этом!) берегли свои запасы для «хозяев», возвращения которых в более или менее близком будущем ожидали. Кроме того, поперек дороги стояло чудовищное взяточничество. Были главки, то есть правительственные хозяйственные органы, от которых мы, правительственное же учреждение, не могли получить ничего. А частные фирмы (две-три такие фирмы, по моему усиленному настоянию, сохранились до поры до времени: они были окончательно уничтожены лишь в конце 1920 года) и спекулянты, торговав-

шие из-под полы, сравнительно легко получали нужные, но недоступные нам предметы, благодаря своевременной и обильной подмазке кого следует. Вмешательство ЧК в лучшем случае оказывалось безрезультатным, зачастую еще ухудшало положение, лишая врачебные учреждения и население возможности приобретать необходимейшие медицинские предметы хотя бы по повышенной цене из частных рук, а иногда просто лишь увеличивало накладные расходы торговцев и спекулянтов.

Взятничество или, по крайней мере, получение «благодарностей» за удовлетворение одним казенным учреждением требований не только частных лиц, но и других таких же казенных учреждений вошло во всеобщий обычай. Мне вспоминается по этому поводу курьезная сценка. Ко мне явился как-то представитель Главрыбы с просьбой отпустить несколько микроскопов для устраиваемой этим главком лаборатории. Как раз в это время мы получили несколько десятков микроскопов из числа грузов, найденных в Архангельске после эвакуации его англичанами. Я имел таким образом редкую возможность полностью удовлетворить требование Главрыбы, и уже через пару дней представитель ее был счастливым обладателем ордера на микроскопы. Получив ордер, он подошел ко мне и, таинственно наклонившись к уху, попросил меня сообщить ему свой адрес. Я изумился: «Зачем вам это?» – «Да вы были так любезны к нам; мы пришлем вам рыбки на дом». Оставалось только развести руками...

Мы могли удовлетворять едва ли одну сотую действительной потребности. Но при всем том обращавшиеся в подотдел, и особенно работники с мест, неоднократно выражали свое удивление по поводу того, что нашлось учреждение, где по мере сил стараются идти навстречу их запросам, сократить по возможности нескончаемую волокиту, вообще – «войти в положение». До такой степени необычно это было для советских канцелярий вообще, а для канцелярий, ведающих каким бы то ни было материальным снабжением – «реальными ценностями», – в особенности!

Сделать в области постановки производства, по указанным выше причинам, не удалось почти ничего. Даже заказы кустарям пришлось свести почти на нет, когда, в силу принципов тогдашней экономической политики, было запрещено расплачиваться за заказы наличными, и кустарь, привезя нам из какого-нибудь уездного городка товар, сработанный за неделю, должен был другую неделю вalandаться по Москве, чтобы, пройдя через десятки инстанций, получить наконец из кассы Народного банка по ассигновке свой голодный заработок. Точно так же почти прекратилась скупка скрытых запасов, сохранившихся от прошлого в руках частных лиц, после того как всеми снабженческими органами было получено секретное распоряжение о том, чтобы, покупая что-либо у частных лиц на сумму свыше 5 тысяч рублей, учреждение одновременно доносило о сделке ЧК с указанием имени, фамилии и адреса продавца на предмет его накрытия и отображения у него полученных денег. Разумеется, я категорически отказался играть такую роль. И хотя и это «строжайшее» предписание, как и все прочие, благополучно обходилось снабженческими учреждениями таким способом, что при покупке, например, товара на 100 тысяч рублей выписывалось двадцать ассигновок по 5 тысяч рублей на различные сроки или на различных лиц, но уже одна волокита, связанная с этим, как и вся созданная вокруг этого дела «чекистская» атмосфера, привела к тому, что всякие предложения товаров надолго почти прекратились. Что касается заграничных покупок, то тогда это было еще музыка будущего: давались «задания», составлялись сметы и пр., но реально за все время пребывания моего в должности заведующего подотделом хирургии мы получили лишь пару килограммов зубо-врачебных инструментов, доставленных из Германии на аэроплане, причем по дороге авиаторы два раза падали, и стоимость двух разбитых аэропланов вошла в цену доставленных 30 килограммов груза (главным образом алкалоиды).

Таким образом, по части пополнения запасов дело обстояло из рук вон плохо, и мы неудержимо катились к полному истощению их. Но зато, с огромным напряжением сил, удалось сделать кое-что в смысле собирания, учета, правильного размещения и хранения того,

что есть, и в смысле быстрого и равномерного распределения инструментария между многочисленными претендентами на него. Это было очень немного, но этого было достаточно, чтобы служебные фонды мои стояли очень высоко и чтобы я считался почти незаменимым.

Мирное течение моей служебной деятельности оборвалось, однако, самым неожиданным образом.

В самых последних числах мая, пользуясь двумя днями праздника, я отправился с женой в прогулку по окрестностям Москвы – в Звенигород и Воскресенск, красивейшие места Московской губернии. Садясь в вагон Александровской железной дороги, по которой нам надо было ехать до станции Голицыно, я развернул газету и, к изумлению своему, нашел в ней невероятные по своей гнусности официальные сообщения и статьи о меньшевиках и эсерах. В то время начиналась война с Польшей, и сообщение ЧК заявляло, что мы – предатели, оказываем содействие польской армии, дезорганизуя хозяйство России, взрывая мосты и поджигая товарные склады! В заключение нам грозили всевозможными скорпионами. А тут же рядом газета рассыпалась в любезностях по адресу бывших царских генералов, во имя национальных интересов решивших патриотически поддержать большевистское правительство.

Много гнусностей, вылившихся из-под большевистского пера, читал я и до и после того, но ни одна не производила на меня такого мерзкого впечатления, как эта. Быть может, потому, что в этом провоцировании националистического погрома по нашему адресу как «врагов родины» и одновременном «патриотическом» флирте с генералами царской службы (некоторые из которых, конечно, лично заслуживают всяческого уважения) мне почуялись первые зародыши той бесстыдной новейшей политики, которая позволяет ныне коммунистическому правительству любезничать и обниматься со всеми домашними и заграничными биржевыми дельцами, спекулянтами, хищниками, оборотистыми людьми и одновременно держать в тюрьме и ссылке тысячи социалистов и беспартийных рабочих, осмеливающихся сомневаться в божественной непогрешимости большевистской власти со всеми ее фантазиями, безобразиями, самодурством и время от времени проделываемыми 180-градусными поворотами.

Вернувшись через два дня в Москву, под влиянием все того же кипевшего во мне негодования, я, не повидавшись и не посоветовавшись ни с кем из товарищей, написал заявление на имя члена коллегии Наркомздрава, стоявшего во главе отдела медицинского снабжения. В этом заявлении я указал, что гнусные официальные инсинуации насчет поджога складов делают для меня невозможным стоять во главе учреждения, в распоряжении которого находятся обширные склады медицинского имущества, незаменимого и имеющего огромное значение и для армии, отправляющейся на войну; что вообще инсинуации эти подрывают всякое доверие к членам нашей партии в глазах подчиненных им служащих и чиновников других учреждений и делают для меня, как члена ЦК этой партии, немислимым занятие ответственной должности и успешное выполнение возложенных на меня трудных задач. Поэтому я просил о переводе меня на какую-либо рядовую должность по медицинскому ведомству, поскольку, как человек мобилизованный, совершенно отказаться от казенной службы не мог.

В то же утро я вручил это заявление члену коллегии. Он, как и другие высшие служащие, всячески уговаривал меня взять заявление обратно, убеждая не брать всерьез чекистских гнусностей. Я, однако, оставался непреклонным. Бумага пошла по инстанциям, и дня два-три прошло без всяких результатов. Никакого ответа я не получал. Тогда я позвонил народному комиссару здравоохранения доктору Семашке и спросил его, какова же будет его резолюция. Он начал с того, что уговаривал меня взять заявление обратно, указывая, что ни о каком недоверии ко мне речи быть не может, что он мне вполне доверяет. Я поблагодарил за доверие, но заметил, что дело не в том, доверяет ли мне лично он, а в том, что официальная клевета, официально же не опровергнутая, дает полнейшее право на недоверие ко мне со стороны всех тех лиц и учреждений, с которыми мне приходится сталкиваться по служебным делам.

«Господин министр» явно почувствовал себя оскорбленным моею неблагодарностью и дерзкой недооценкой милостиво оказываемого мне «высочайшего» доверия. В тоне его зазвучало уязвленное самолюбие: «Хорошо, я уволю вас от занимаемой должности, но передам вас в распоряжение Комтруд дезертира (Комитет по борьбе с трудовым дезертирством)». Это было так хамски глупо, что я сухо ответил: «Это – ваше дело». – «Но подумайте, в какое положение ставите вы свою жену». – «О моих семейных делах предоставьте уже, пожалуйста, заботиться мне самому», – сказал я и повесил телефонную трубку.

На следующий день кое-какие доброжелатели из Московского военно-санитарного управления известили меня, что состоялось распоряжение о моем переводе на службу на Урал. Мне не хотелось верить, но вскоре я был вызван повесткой, и мне официально было объявлено, что, согласно распоряжению Семашки, я перевожусь в Екатеринбург, в Приуральское военно-санитарное управление и должен выехать в двадцать четыре часа.

Но выехать в двадцать четыре часа значило не только бросить на произвол судьбы партийные и домашние дела, но и совершенно дезорганизовать то важное служебное дело, которое было мне поручено большевистским правительством. Работа была сложная, помощника у меня не было, нужно было найти совершенно нового человека и ввести его в дело. Это требовало времени. В заместители мне схватили первого попавшегося молодого врача, очень мало-пригодного для этой работы, и член коллегии, как и прочее мое непосредственное начальство, просил меня начать сдавать ему дела, рассчитывая, что хоть неделю на это можно будет выхлопотать. В Военно-санитарном управлении согласились, ввиду хлопот члена коллегии и в ожидании ответа Семашки, не настаивать на буквальном исполнении приказа.

Весть о моем переводе на Урал быстро разнеслась по городу. Всем было очевидно, что не польза службы продиктовала этот перевод, а что это – замаскированная ссылка. Многие, даже из знакомых большевиков, не хотели верить, что возможна такая дикая расправа и что возможно в интересах мести расстраивать с трудом налаживавшееся важное дело медицинского снабжения. У одной большевички даже стояли слезы в глазах, когда она говорила со мною о недостойном поведении Семашки. Наш ЦК протестовал против расправы, как явно направленной к дезорганизации нашей партии. В дело вмешались и некоторые большевики, требуя отмены ссылки и оставления меня, хотя бы на другом месте, в Москве. Ничто не помогало, и очень скоро выяснилось почему. Дело, начатое г. Семашкой, перешло в Политическое бюро Центрального комитета РКП. Уязвленное мелкое самолюбие комиссара здравоохранения переплелось с высокостатусными соображениями пятерки, диктаторски управляющей Россией. Здесь с радостью ухватились за случай расправиться со мною «за английскую делегацию». Что такова именно была истинная причина расправы, видно из того, что расправа эта коснулась исключительно меня. А между тем почти одновременно со мной все члены нашей партии, занимавшие более или менее ответственные должности в правительственных учреждениях, подали в президиум ВЦИКа, и распространили коллективное заявление, в котором протестовали против гнусных официальных инсинуаций и говорили, что сами не бросают порученных им дел из нежелания вконец дезорганизовать и без того расстроенное хозяйство республики, но констатируют, что если большевики не уволят их с занимаемых ими постов, то тем самым распишутся в полной лживости своих обвинений и отвратительнейшем лицемерии. Эту публичную пощечину большевистское правительство проглотило молча...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.